

**Алиса
Градова**

РАЗВОД
Я БЕЗ ТЕБЯ НЕ ПРОПАДУ

Алиса Градова

Развод. Я без тебя не пропаду.

<https://litres.ru/74366737>

Аннотация

Он кричал, что ее потолок — мыть чужие полы. Убеждал, что без него она пустое место: с восьмилетним пробелом в стаже не найдет работы, не поднимет сына и пойдет по миру.

А она молча упаковала их нехитрую жизнь в единственный чемодан на двоих и уехала в незнакомый заполярный порт на самом краю страны.

Ровно через два года она сидела напротив него в переговорном зале как главный бухгалтер преуспевающего морского холдинга. И смотрела прямо в его ошеломленные глаза — без тени злобы, без жажды реванша, с абсолютным спокойствием и тихой благодарностью.

Именно так и выглядит свобода: когда чужая попытка растоптать тебя становится началом твоей настоящей жизни.

Содержание

Пролог	4
Глава 1. Трещина на стекле.	5
Глава 2. Удар в спину и первый рубеж.	12
Глава 3. Курс на север.	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Пролог

Он кричал, что ее потолок — мыть чужие полы. Убеждал, что без него она пустое место: с восьмилетним пробелом в стаже не найдет работы, не поднимет сына и пойдет по миру.

А она молча упаковала их нехитрую жизнь в единственный чемодан на двоих и уехала в незнакомый заполярный порт на самом краю страны.

Ровно через два года она сидела напротив него в переговорном зале как главный бухгалтер преуспевающего морского холдинга. И смотрела прямо в его ошеломленные глаза — без тени злобы, без жажды реванша, с абсолютным спокойствием и тихой благодарностью.

Именно так и выглядит свобода: когда чужая попытка растоптать тебя становится началом твоей настоящей жизни.

Глава 1. Трещина на стекле.

Стеклянная витрина кондитерской «Бриз» дрожала от хлестких ударов октябрьского ливня. Вода струилась по стеклу тяжелыми, мутными дорожками, плавя силуэты девятиэтажек напротив в бесформенную свинцовую кашу. Редкие пешеходы вжимали головы в плечи, перепрыгивая через разливающиеся по асфальту лужи. В этом сером, выстуженном городском пейзаже Вера видела точное отражение собственной жизни за последние несколько лет — размеренной, предсказуемой и до звона в ушах пустой.

Она рассеяннo вращала ложечкой в чашке с давно остывшим капучино. Взгляд зацепился за фигуру в ярко-бордовом пальто: женщина на той стороне улицы задорно перешагнула через ручей, придерживая рукой поля фетровой шляпы и запрокинув лицо к небу.

«Я ведь была такой же, — скользнула горькая мысль. — Всего три года назад».

Тогда, на узких брусчатых улочках южного приморского городка, тоже шумел теплый ливень. Вера бежала босиком по мокрым плитам, смеялась во весь голос, а Константин закрывал ее от струй своим пиджаком. В ту неделю она впервые за долгое время ощутила, каково это — быть просто собой, живой, любимой и желанной женщиной, а не круглосу-

точным придатком к кастрюлям, стиральной машине и детским поликлиникам.

Эту поездку Константин преподнес как долгожданную награду за ее терпение. Их сыну Павлику тогда исполнилось три года. Чтобы отпустить жену в отпуск, муж сам нашел няню — двадцатилетнюю Алену, студентку-педагога, скромную дочку своего сослуживца. С ямочками на круглых щеках, вежливую, с тихим голосом. Вера сначала изводила себя тревогой, но Костя мягко настоял: «Ты на грани нервного срыва, родная. Мы заслужили эту передышку. Алена надежная, как скала». Отпуск прошел как в полусне: запах соли и жареного миндаля, беленые фасады, черепичные крыши и утренний прибой под окнами. Вернувшись, Вера привезла Алене дорогой шелковый палантин цвета морской волны, искренне благодаря за заботу о сыне.

— Прошу прощения, здесь свободно? Все столики заняты из-за грозы.

Глубокий мужской голос вывел Веру из оцепенения. Она вздрогнула и подняла глаза. Перед ней стоял высокий мужчина в мокром темно-сером пальто, держа в руках поднос с американо и круассаном.

— Да, присаживайтесь, — торопливо пробормотала Вера, убирая с соседнего стула свою сумку.

— Спасибо. Простите, если нарушил ваш покой. У вас была такая светлая, почти отрешенная улыбка, пока вы смотрели на дождь.

Вера почувствовала, как к щекам прилила краска. Сколько месяцев — или лет? — чужие люди не обращали внимания на выражение ее лица?

— Просто вспомнила море, — тихо отозвалась она. — Там ненастье ощущалось совсем иначе.

— Понимаю вас, — кивнул незнакомец, аккуратно сняв перчатки. — Климат задают не тучи, а люди вокруг и наше внутреннее состояние. Меня, кстати, зовут Артем. Я мостовик-проектировщик, вечно мотаюсь по стройкам от Сибири до Кавказа. Насмотрелся на разные дожди.

Они проговорили минут двадцать. Артем говорил просто, без высокомерия и навязчивого флирта. В его взгляде не было той снисходительной, сладковатой жалости, которую Вера все чаще ловила на себе при встречах с университетскими подругами. Подруги строили карьеры, руководили отделами, а она восьмой год подряд варила супы и гладила пододеяльники.

Восемь лет. Срок немалый. Пятнадцать лет назад, когда они расписались, Константин казался воплощением мужской надежности: хваткий, целеустремленный, с амбициями и живым умом. Вера тогда уверенно вела балансы в крупной строительной компании и искренне любила свою работу. Но после двух лет брака муж начал методично подтачивать ее независимость: «Зачем тебе убиваться над этими бесконечными сводками? Я расту, доходы позволяют. Ты женщина, твое призвание — хранить очаг, а не сажать зрение над чу-

жими сметаи».

Она сдалась не сразу, боролась почти год, но под напором его ласковых уговоров уступила. Затем родился Павлик, и домашний круг замкнулся окончательно. Костя стал задерживаться на переговорах, уезжать на выходные под предлогом срочных поставок, а на любую ее просьбу помочь с ребенком бросал сухое: «Я содержу семью. Ты дома сидишь, вот и занимайся сыном».

— Вера Николаевна, вы снова далеко? — с легкой улыбкой окликнул ее Артем.

Она взглянула на тонкие наручные часы и ахнула:

— Боже мой, мне пора за Пашей в сад!

— Очень жаль, — искренне произнес Артем, поднимаясь.
— Спасибо за теплую беседу. Давно не встречал такой искренней слушательницы.

Выйдя под сырой осенний ветер, Вера поймала себя на горькой мысли: случайный разговор с незнакомцем согрел ее сильнее, чем все дежурные поцелуи мужа за последние полгода.

* * *

В полночь Константин вернулся домой. Вера задремала в кресле с раскрытой книгой. Щелкнул дверной замок, в коридоре послышались осторожные, крадущиеся шаги. Когда муж наклонился, чтобы чмокнуть ее в висок, Вера ед-

ва сдержала спазм: от его воротника отчетливо пахло дорогим выдержанным коньяком и густым, сладковатым ароматом незнакомых духов с нотами жасмина.

— Я приготовила рагу, — произнесла она, глядя, как он прячет глаза.

— Ужинал с региональными дилерами, не голоден, — бросил он и поспешил в ванную.

Утром, разливая кофе, Вера застыла. На шее Константины, чуть выше воротника выглаженной сорочки, алела свежая, явно оставленная женскими ногтями царапина.

— Костя, что это у тебя? — тихо спросила она, указав пальцем.

Он нервно дернул подбородком и запахнул ворот:

— Станок затупился, полоснул второпях. Хватит придирааться по мелочам.

Ни оправданий, ни ласки. Внутри Веры что-то неслышно надломилось — как переламывается тонкий лед на первой замерзшей луже.

Отведя Павлика в группу, Вера не пошла домой. Чтобы развеять удушливую тоску, она поехала в недавно открывшийся интерьерный молл на городской набережной: их старый диван в гостиной давно требовал замены.

На третьем этаже торгового центра было просторно, пахло свежей древесины и кофе. Прохаживаясь между мебельными экспозициями, Вера подошла к гигантскому панорам-

ному окну во всю стену. Отсюда открывался великолепный вид на гранитный парапет реки и аллею, усыпанную золотой листвой.

Внизу по аллее неспешно двигалась пара. Мужчина катил современную прогулочную коляску. Вера пригляделась: высокая фигура, темно-синяя куртка, широкие плечи, характерный шаг с легким наклоном корпуса вправо.

«Нет, этого не может быть. Он на закрытом совещании в офисе», — механически повторила она про себя.

Но мужчина остановился, наклонился к коляске, поправил пуховый конверт, а затем выпрямился и с нескрываемой нежностью привлек к себе свою спутницу. Девушка повернулась в профиль, смеясь и подставляя губы для поцелуя.

Воздух вылетел из легких Веры, словно от сильного удара в солнечное сплетение.

Алена. Та самая тихоня-студентка, их бывшая няня. А в коляске шевелил ручками малыш лет двух, не больше.

Константин целовал Алену так, как никогда за пятнадцать лет не смотрел на Веру — с жадным, трепетным обожанием. В следующую секунду муж машинально поднял голову, взглянув на сверкающий стеклянный фасад торгового центра.

Их взгляды скрестились через стекло.

Вера отчетливо увидела, как его холеное лицо перекосила гримаса животного ужаса. Алена, заметив оцепенение любовника, тоже проследила за его взглядом, побелела, схва-

тила Константина за рукав и потянула в сторону парковки. Через мгновение они скрылись за кронами кленов.

— Женщина, вам дурно? Принести воды? — раздался рядом встревоженный голос продавца-консультанта.

— Нет... Спасибо. Все уже позади, — бесцветным голосом ответила Вера.

Она спустилась к своей старенькой малолитражке, села за руль и несколько минут смотрела на дрожащие пальцы. Дождь снаружи припустил с новой яростной силой, размывая контуры мира, который только что разлетелся на тысячи невозстановимых осколков.

Глава 2. Удар в спину и первый рубеж.

Павлик уснул лишь к десяти вечера. Вера сидела на краю его кровати, вслушиваясь в мерное детское сопение. Плюшевый серый пес, с которым сын не расставался с двух лет, сполз на ковер. Она бережно подняла игрушку, уложила под бок спящему мальчику и поправила одеяло с рисунком парусников.

В груди kloкотала глухая, обжигающая боль. Стоило сомкнуть веки, как перед глазами вспыхивала залитая осенним солнцем аллея: муж, его нежная улыбка, сияющее лицо Алены и чужой двухлетний карапуз в пуховом конверте. Три года лжи. Три года бесконечных отговорок, фальшивых командировок и пустых обещаний.

Она прошла на темную кухню, не зажигая верхний свет, и включила лишь слабую подсветку над плитой. Налила в кружку остывший чай. За окном кружились белые хлопья — первый, робкий и мокрый снегопад этого года, таявший на черных ветках берез. Скоро декабрь. Еще вчера она составляла в блокноте списки праздничных блюд и подарков для мужа. Сейчас эти записи казались издевательством.

В начале первого в прихожей скрипнул ключ.

Вера подобралась, расправив плечи. Сердце колотилось

где-то в горле. Константин вошел неслышно, на цыпочках притворил массивную дверь и сразу направился в ванную комнату, стараясь не смотреть в сторону кухни. Через четверть часа, вытирая лицо полотенцем, он шагнул в дверной проем и замер.

— Не спишь? — в его голосе прозвучала натянутая, искусственная беспечность, но в глазах плескалась настороженность загнанного зверя.

— Нам надо поговорить, — негромко, но твердо произнесла Вера.

Константин тяжело вздохнул, опустил полотенце на спинку стула и медленно сел напротив.

— О чем же?

— Я видела тебя сегодня у реки. С Аленой. И вашим ребенком.

Вера была готова к отрицанию, к яростным спорам или жалким попыткам все свалить на оптический обман. Но лицо мужа вдруг разгладилось. По нему пробежала тень почти неприличного облегчения — словно с него сняли тесный, опостылевший костюм.

— И что теперь? — устало уронил он.

Этот вопрос ранил сильнее самой измены. Ни тени вины. Ни единого слова раскаяния за пятнадцать лет совместной жизни.

— «Что теперь»? — переспросила Вера, чувствуя, как

внутри поднимается горячая волна. — Ты два года живешь на две семьи, врешь мне в лицо, а сейчас просто спрашиваешь, что делать дальше?

— Вера, без мелодрам, — поморщился он, понизив голос. — Я не хотел, чтобы все вскрылось вот так, на улице. Собирался поговорить, когда ситуация созреет.

— Когда созреет? Когда твоему второму сыну исполнится восемнадцать?

— Тише ты! Пашку разбудишь! — Константин вскочил и плотно прикрыл дверь в коридор.

Они говорили почти час. Он цедил слова сквозь зубы: с Аленой все началось еще до той памятной поездки на юг, когда она приходила к ним в контору на практику. Потом он устроил ее няней, а через пару месяцев после отпуска они случайно столкнулись в городе...

— Егору скоро два, — в голосе мужа прорезалась незнакомая теплая гордость, которой Вера не слышала уже много лет, когда речь заходила о Павлике. — Я не знал, как тебе сказать. Ты ведь полностью зависишь от меня. Ни кола, ни двора, ни профессии. Я берег тебя.

— Берег? — горько усмехнулась она. — Какое благородство — предавать за спиной, чтобы «сберечь».

На кухне повисла ледяная пауза.

— Я подаю на развод, — сказала Вера, удивляясь тому, как ровно прозвучал ее собственный голос.

Константин вскинул брови. Маска усталости слетела в ту

же секунду. Его черты заострились, взгляд стал колючим, злым и пренебрежительным.

— Развод? — он хрипло рассмеялся ей в лицо. — Да куда ты денешься, поломойка? Ты кем себя возомнила? Восемь лет на моей шее просидела, кастрюли начищала! Без меня ты — пустое место. Пойдешь полы в подъездах драить за копейки, чтобы сына прокормить?

Вера отшатнулась, будто получила хлесткую пощечину.

— Подумай своей пустой головой, — продолжал наступать Константин, наклоняясь через стол. — Квалификация утеряна, трудовая книжка с дырой в восемь лет. Кому ты нужна на рынке труда? А на алименты губу не раскатывай: у меня официальный оклад — минималка, остальное в конвертах и на счетах фирмы. И Пашку я заберу через суд. У меня есть жилье, высокий доход и полная семья. А у тебя что? Нищета?

— Павлика я тебе не отдам, — выдохнула Вера побелевшими губами.

— Посмотрим. Разговор окончен, я ложусь спать. Утром у меня важные контракты.

Он развернулся и вышел, хлопнув дверью спальни.

Вера сидела неподвижно. Слезы жгли глаза, но она не позволила им пролиться. «Без меня ты никто... поломойка...» Эти слова звенели в ушах набатом. Где-то в глубине души зашевелился липкий первобытный страх: а вдруг он прав? Восемь лет без практики — в бухгалтерии это целая вечность.

Она встала, подошла к зеркалу в прихожей и посмотрела на свое отражение. Бледное, осунувшееся лицо, но в глазах уже не было покорности.

«Нет, — упрямо подумала она. — Я не пустое место. Я мать. У меня есть диплом, голова на плечах и две руки. И я не позволю растоптать себя и своего ребенка».

Утро началось в лихорадочном движении. Константин ушел до рассвета, оставив на тумбочке сухое: «Буду поздно».

Отведя сына в сад, Вера вернулась домой, достала из глубины шкафа старый блокнот в кожаном переплете. Страницы пахли прошлым — той порой, когда она чувствовала себя востребованным специалистом. Пальцы отыскивали номер Клавдии Васильевны — бывшего старшего бухгалтера, которая когда-то учила молодую Веру азам профессии.

К удивлению, гудок прошел сразу.

— Верочка, деточка! Сколько лет! — раздался в трубке бодрый, хрипловатый голос наставницы.

Вера с трудом сдержала подступивший к горлу комок. Не вдаваясь в грязные подробности, она коротко объяснила: осталась одна с ребенком, срочно нужна работа, готова начинать с самых низов.

— Так, сопли в кулак, — деловито оборвала ее Клавдия Васильевна. — Я на пенсии, но контакты держу. В «Строй-Инвесте» как раз девочка на первичке внезапно ушла в декрет. Место не царское, оклад скромный, но живой. Главбух там — Татьяна Юрьевна. Баба строгая, въедливая, но спра-

ведливая. Я ей сейчас наберу, замолвлю слово. А ты хватай ноги в руки и марш повторять проводки и изменения в Налоговом кодексе!

Следующие шесть часов Вера провела у экрана ноутбука. Термины, обновленные формы деклараций, тонкости электронного документооборота... Голова раскалывалась, но руки словно сами вспоминали ритм работы на клавиатуре. Фундамент знаний никуда не исчез — он лишь спал под слоем домашней рутины.

В два часа дня она уже сидела в кабинете Татьяны Юрьевны — подтянутой седовласой женщины в строгом графитовом жакете.

Главбух устроила Вере жесткий экспресс-экзамен: задала десяток вопросов по расчету НДС, начислению больничных и закрытию отчетных периодов. Вера отвечала четко, стараясь, чтобы голос не дрожал.

— Что ж, — Татьяна Юрьевна сняла очки в тонкой оправе. — Пробел в восемь лет чувствуется, руки отвыкли. Но логика железная, база не пропита. Возьму вас помощником на испытательный срок. Зарплата пока небольшая, задержки на закрытии квартала неизбежны. Выдержите?

— Выдержу, — твердо глядя в глаза руководителю, сказала Вера.

— Выходите завтра в восемь тридцать.

Следующим этапом была квартира матери. Анна Дмитриевна, женщина старой закалки, вырастившая троих детей

в провинциальном поселке, встретила дочь горячим чаем и домашним пирогом. Отправив внука собирать конструктор в дальнюю комнату, мать села напротив Веры.

Выслушав историю без единого перебивания, Анна Дмитриевна лишь крепче сжала сухие пальцы на столешнице.

— Значит, «поломойкой» припечатал? — голос матери звенел суровым металлом. — И сына отобрать грозился? Ишь, барин выискался. Ничего, дочка. Землю грызть будем, а Пашку ему не отдадим. Первое: все документы — свидетельство о рождении, дипломы, выписки — неси ко мне. Второе: ни копейки его подачек мимо расписок не брать. И третье — завтра же к юристу.

Через подругу Ольгу Вера в тот же вечер вышла на опытного адвоката по семейным спорам — Инну Борисовну.

Та приняла Веру в небольшом офисе в центре.

— Ситуация банальная, но опасная, — резюмировала юрист, изучив данные. — Отобрать восьмилетнего ребенка у благополучной, работающей матери суд ему не позволит, это пустые угрозы на испуг. А вот с разделом имущества и алиментами придется повоевать. Развод пока не форсируйте. Наша задача — зафиксировать доказательства его параллельной жизни и собрать сведения о его реальных доходах в компании. Как только база будет готова — нанесем юридический удар.

Домой Вера возвращалась в сумерках. В квартире стояла

тишина. Константин уже вывез часть своих костюмов, оставив на вешалке сиротливые пустые плечики.

Павлик сидел на полу в детской, листая энциклопедию с кораблями.

— Мам, — тихо спросил мальчик, когда Вера присела рядом и обняла его за плечи. — Папа больше не придет?

Вера глубоко вздохнула, собирая в кулак всю материнскую нежность:

— Сынок... Мы с папой решили, что теперь будем жить раздельно. Но он остается твоим отцом и по-прежнему любит тебя.

— Это потому что я плохо себя вел? — в глазах ребенка блеснули слезы.

— Нет, мой хороший! Ни в коем случае! — Вера крепко прижала сына к груди, целуя его макушку. — Ты здесь совершенно ни при чем. Просто взрослые иногда не могут найти общий язык. Но мы с тобой — команда. Мы справимся со всем на свете, слышишь?

Павлик шмыгнул носом и прижался к ее плечу:

— Справимся, мам. Я помогу.

В эту ночь Вера впервые за долгие месяцы уснула без сновидного. Страх отступил. На его место пришла холодная, непоколебимая решимость победить.

Глава 3. Курс на север.

К исходу тр

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.